

УДК 342.9

Маргарита Владимировна ПАЛЬЧИК,
преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности ОВД Сибирского
юридического института МВД России (г. Красноярск)
margaritavl@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРИСВОЕНИЯ ИЛИ РАСТРАТЫ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СВОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

CRIMINOLOGICAL DETERMINANTS OF MISAPPROPRIATION OR EMBEZZLEMENT COMMITTED BY A PERSON USING HIS OFFICIAL POSITION

В статье с учетом методологических основ учения о криминологических детерминантах преступности анализируется причинный комплекс присвоения или растраты, совершенных лицом с использованием своего служебного положения. Выделяются причины рассматриваемых общественно опасных деяний на общесоциальном и специально-криминологическом уровнях. Указывается на значительный латентный характер данных преступлений, что обуславливается низкой правовой активностью и искаженным правосознанием граждан. Делается вывод о несовершенстве отраслевого законодательства в части мер противодействия преступлениям, предусмотренным ч. 3 ст. 160 УК РФ.

Taking into account the methodological grounds of the doctrine of criminological determinants of crime, the article analyzes the causal complex of misappropriation or embezzlement committed by a person using his official position. The reasons for the considered socially dangerous acts at the social and special criminological levels are highlighted. The significant latent nature of these crimes is indicated, which is caused by low legal activity and distorted legal awareness of citizens. The conclusion is made about the imperfection of sectoral legislation in terms of measures for counteraction to crimes provided for in Part 3 of Art. 160 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: вверенное имущество, воспроизводство преступности, должностные злоупотребления, криминогенные факторы, материальные потребности, социально-экономические отношения.

Keywords: entrusted property, crime reproduction, official abuse, criminogenic factors, material needs, socio-economic relations.

В отечественной и зарубежной криминологии вопрос о причинах преступности и отдельных преступлений является краеугольным. Ученые-криминологи достаточно всесторонне и в целом детально исследовали данный относительно самостоятельный элемент предмета криминологии. В результате сформировалась доктринальная система знаний о детерминантах как в целом преступно-

сти, так и её отдельных видов, которая может быть использована в качестве методологических основ анализа причин, условий и разнообразных факторов совершения присвоения или растраты, совершенных лицом с использованием своего служебного положения.

Выявляя детерминанты присвоения или растраты, совершенных лицом с использованием своего служебного положения, не-

обходимо отталкиваться от положения о преступности как разнородном взаимодействии разнообразных и разноуровневых социально-экономических, политических, идеологических, духовно-нравственных и иных факторов общественных отношений. Как справедливо отмечает И.М. Рагимов, «любое преступление не может ни возникнуть, ни существовать, ни исчезнуть без связи и взаимодействия с другими явлениями социальной, политической, правовой, духовной и нравственной жизни. Но если отдельные преступления (части) связаны между собой, взаимодействуют, следовательно, они имеют что-то общее, которое и относит их всех к одному и тому же целому (преступности)» [9, с. 37].

Криминологическая доктрина содержит так называемые «онтологические» причины преступности, к которым М.Д. Шаргородский относил все разнообразие обстоятельств, без которых она не смогла бы появиться и не могла существовать: одни из них (условия) создают только реальную и действительную возможность формирования преступных мотивов, другие (собственно – причины) трансформируют эту возможность в реальность. При этом причинами конкретного преступления выступают соответствующие активные силы, вызывающие у физических лиц интересы, мотивы и установки для его совершения [14, с. 30]. Также сошлемся на уже ставшее традиционным мнение Н.Ф. Кузнецовой, которая отмечала: «Причины и условия преступности – это такая система социально-негативных явлений и процессов, которые детерминируют преступность как свое следствие... Криминогенная детерминация выражается в двух основных видах – причинении и обуславливании преступности» [5, с. 47]. Однако нельзя не учитывать позицию Э.Г. Юзихановой, которая пишет: «Изучение «причин и условий» преступности, с нашей точки зрения, не вполне оправданно, поскольку достаточно сложно определить границу между причинами и условиями» [16, с. 16-22]. Как представляется, подход, в соответствии с которым при анализе детерминант преступности выделяются отдельно причины и отдельно условия, обладает значительным поисковым значением, хотя оценку его фак-

тической результативности следует осуществлять с крайней осторожностью и даже с учетом некоторой «погрешности» («люфтом») на предмет четкости и однозначности проводимого водораздела между явлениями детерминирующими и явлениями обуславливающими преступность, её отдельные виды и даже конкретные преступления.

Изложенные отправные точки позволяют говорить о наличии так называемых общих причин преступности и причинах конкретных преступлений.

Границы причин и условий конкретного преступления очерчиваются такими элементами, как: 1) среда, которая негативным образом деформирует круг и содержание потребностей, интересов и ценностных установок конкретного индивидуума, выступающих затем основой для криминальной мотивации; 2) криминальная мотивация, являющаяся совокупностью внутренних негативных побуждений личности; 3) группа различных ситуаций, которые сопровождают личность в процессе её жизнедеятельности и в период совершения (включая подготовку) общественно опасного деяния.

Применительно к содержанию и причинному комплексу преступности можно выделить три уровня причин (на основании масштабов процессов и явлений, детерминирующих преступность): 1) уровень общесоциальных причин; 2) специально-криминологический уровень; 3) индивидуальный уровень.

Обоснованные и изложенные в криминологической науке методологические выкладки о детерминантах преступности как исторически изменчивого, относительно-массового и социально-правового явления в достаточной степени распространяются на причинный комплекс исследуемых в данной научной статье общественно опасных посягательств.

Обращаясь к общим причинам преступности (общесоциальный уровень), отметим, что под ними следует понимать различные деформации социально-экономического, политического, идеологического и нравственно-духовного характера, которые детерминируются в том числе под влиянием глобальных процессов. Данные деформации оказывают

различное влияние на экономические отношения и поведение людей в сфере оборота материальных ценностей, а также фактически определяют политику борьбы с преступностью [7, с. 9]. Согласимся с мнением Л.М. Прозументова и А.В. Шеслера, которые отмечают, что сформировавшаяся «в обществе идеология потребления создает духовную предпосылку для преступности, поскольку деформирует систему ценностей в структуре личности, выдвигая на первый план потребности материального характера и допуская установку на возможность их удовлетворения преступным способом» [8, с. 9].

Таким образом, существенный сегмент общесоциальных причин рассматриваемых общественно опасных деяний находится в плоскости экономических отношений государства. При этом важно учитывать, что противоречия, сопряженные с глобальными экономическими явлениями и процессами (и это наиболее актуально в настоящее время – период кризисного состояния мировой экономики, резко обозначившийся начиная с 2008 года), механически не порождают преступления против собственности, но только во взаимодействии с иными социальными явлениями и процессами. Кризис, нестабильность либо дефолтовые экономические процессы, сопровождающиеся высокими налогами, безработицей, бюджетным дефицитом формируют у личности приоритет потребностей материального характера и «раскручивают» психологию возможности их удовлетворения преступным способом.

В нормативной плоскости общесоциальные причины заключаются в проблемах правовой грамотности населения и действенного механизма правового регулирования имущественных отношений граждан. Ведь как справедливо отмечают Ю.Н. Румянцева и И.М. Серeda, «кризис права подрывает устойчивость экономической системы государства: отсутствие эффективных правовых механизмов, направленных на предупреждение и снижение негативных последствий от должностных злоупотреблений, преступлений коррупционной направленности, является угрозой безопасности экономической системы» [11, с. 104].

На характер отмеченного уровня причин рассматриваемых преступлений оказывают влияние самые различные сферы общественной и государственной жизни (например, формирование государственной политики по поводу постепенного усиления права собственности и механизмов его защиты). Кроме того, на данный процесс оказывают детерминанционное влияние и некоторые культурно-исторические закономерности, в частности устойчивость общественного отношения к частной собственности и традиционная оценка чужого имущества. Нельзя не отметить позицию В.А. Затонского и М.П. Петрова о том, что отечественная «практика рыночных преобразований сопровождалась весьма неблагоприятным теоретическим сопровождением, главным лейтмотивом которого стало отрицание роли государства в экономике и социальной сфере, дошедшее до безудержных попыток сужения его властных функций. Всякое государственное воздействие объявлялось ограничением свободы и инициативы, ассоциировалось с насилием и администрированием» [4, с. 203].

Также криминогенным проявлениям социально-экономических процессов свойственен правовой нигилизм и низкая правовая активность как самого населения, так и лиц, обладающих служебными полномочиями по распоряжению вверенным имуществом. Так, п. 11 Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 8 апреля 2011 года № Пр-1168, закрепляет, что условиями, способствующими распространению правового нигилизма, «являются несовершенство законодательства Российской Федерации и практики его применения, избирательность в применении норм права, недостаточность институциональных механизмов, гарантирующих безусловное исполнение требований закона, неотвратимость, соразмерность и справедливость санкций за их нарушение. Правовой нигилизм девальвирует подлинные духовно-нравственные ценности, служит почвой для многих негативных социальных явлений», а именно для пренебрежения пра-

вами и охраняемыми законом интересами окружающих, посягательств на чужую собственность.

При этом низкая правовая активность граждан по защите собственных имущественных прав и их достаточно слабая гражданская позиция относительно важности справедливого распределения материальных благ некоторым образом связаны с недоверием населения правоохранительным органам. Х.Д. Аликуперов и Р.И. Расулов отмечали проблему кризиса доверия определенной части населения к правоохранительным органам еще несколько десятилетий назад [1, с. 28]. Данная проблема имеет место и в настоящее время [12, с. 153-155]. Результаты социологического исследования, проведенного специалистами Левада-Центра («Аналитический центр Юрия Левады») 15-20 февраля 2019 года, также продемонстрировали снижение доверия к органам прокуратуры и полиции со стороны населения. В частности, наблюдается снижение оценки роли прокуратуры в жизни общества с 3,6 в январе 2017 года до 3,4 в феврале 2019 года, полиции – с 3,4 до 3,3 соответственно (URL: <https://www.levada.ru/2019/03/04/rol-institutov-2>). Указанные результаты отражают и мнение известных ученых-юристов, отмечающих, что необходимость повышения уровня доверия граждан к деятельности полиции детерминировало «появление не только количественных, но и качественных критериев эффективности деятельности органов внутренних дел. Подобными критериями могут стать уровень удовлетворенности населения работой органов внутренних дел как в целом, так и отдельных подразделений и сотрудников, мера доверия к ним, степень готовности граждан оказывать поддержку и содействие в работе полиции и др.» [6, с. 97].

Примыкающие социально-психологические причины можно выразить в следующем виде: до сих пор встречающаяся противоправность мышления при обращении с материальными ценностями определенной части населения (например, по принципу «не пойман – не вор»), практика псевдоконтроля и реализации принципа «круговой поруки», наличие статистических «погрешностей» в

описании региональных финансовых рынков и сопряженных с ними сфер, имеющуюся огромную диспропорциональность в различных экономических сферах. Так, в приговоре, вынесенном в отношении П.А.Н., обвиняемого в присвоении и растрате, совершенных лицом с использованием своего служебного положения в крупном размере, указывается, что виновный «решил воспользоваться своим правом директора общества единолично распоряжаться денежными средствами ООО1, находящимися на расчетном счете общества, а также отсутствием контроля со стороны учредителя общества С. и производить ежемесячные лизинговые платежи за автомобиль «TOYOTA RAV4», находящийся в лизинге у ООО2, в котором П.А.Н. являлся единственным учредителем и директором, за счет денежных средств ООО1 путем их перечисления с расчетного счета ООО1 на расчетный счет ООО2 (приговор Череповецкого городского суда Вологодской области от 18 марта 2016 года. Дело № 1-1096/2015. URL: <https://sudact.ru>). Применительно к порочной практике реализации принципа «круговой поруки» можно привести пример группового участия в присвоении и растрате, совершенных рядом лиц с использованием своего служебного положения, в рамках которого руководящие сотрудники Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Информационно-методический центр» осуществляли систематическое прискисание и трудоустройство (в частности, на должность главного специалиста планово-экономического отдела) фиктивных работников, подготавливая фиктивные заявления о приеме на работу, трудовые договоры и документы, регламентирующие их должностные обязанности и правила соблюдения внутреннего трудового распорядка, затем получали их заработную плату, а также неоднократно составляли ложные служебные записки о премировании (сумма которых также уходила на счета виновных лиц) фиктивных работников при постоянном фактическом их отсутствии на рабочих местах (приговор Куйбышевского районного суда города Санкт-Петербурга от 25 июля 2018 года. Дело № 1-326/2018. URL: <https://sudact.ru>).

Рассматривая специально-криминологические причины присвоения или растраты, совершенных лицом с использованием своего служебного положения, нельзя не отметить их значительный латентный характер, что обуславливается, в первую очередь, низкой активностью граждан по предоставлению в правоохранительные и контролирующие органы информации о возможных фактах совершения данных преступлений. Такая ситуация отражает во многом справедливый тезис А.Л. Репецкой о том, что «нередко латентность преступности действительно является объективной, как следствие недоверия населения правоохранительным органам, в первую очередь из-за их коррумпированности либо незаинтересованности в расследовании неочевидных преступлений, сложных для раскрытия» [10, с. 153]. При этом К.В. Диденко и А.А. Невмовенко справедливо отмечают, что «нереагирование или недолжное реагирование государственных органов на совершенные противоправные деяния приводят к формированию равнодушного отношения к ним лиц, наблюдавших за совершением преступлений или пострадавших в результате их совершения. Нередко активность замещается пассивностью, правовая позиция гражданина размывается, а иногда и вовсе деформируется» [3, с. 64]. Ведь фактически сокрытие потерпевшими и(или) очевидцами фактов рассматриваемых общественно опасных деяний детерминирует их воспроизводство. Не случайно в специальной литературе уже достаточно давно обосновывается наличие феномена воспроизводства преступности [13, с. 97-99].

В связи с этим определенным интерес представляют результаты осуществлённого в период с июня по октябрь 2019 года анонимного опроса 400 жителей г. Красноярск, Ачинск, Ужур, Лесосибирск, Канск. На вопрос: «Влияет ли сокрытие потерпевшими и(или) очевидцами фактов присвоения или растраты различными лицами вверенного имущества на дальнейшее воспроизводство данных преступлений?» – положительно ответили 82% респондентов, что говорит о фактическом понимании населением и, следовательно, объективном существовании «ла-

тентных» механизмов детерминации исследуемых преступлений.

Можно резюмировать, что латентная и, в сущности, безнаказанная преступность выступает двигателем самодетерминации и источником самовоспроизводства (наряду с противоречием между потребительством и духовностью, бедностью и богатством [15, с. 23-26]), поскольку преступники, избежавшие изобличения и ответственности, фактом своей безнаказанности фактически вовлекают и стимулируют иных лиц к началу либо продолжению преступной деятельности [2, с. 14]. Значительным фактором этого является деформированное понимание принятых и существующих в государстве правовых основ управления и распоряжения вверенными материальными благами, а также проблемы формирования правосознания граждан.

Как представляется, фактически межевой целью государственной политики в области активизации формирования правовой грамотности и правосознания граждан должно быть внедрение в правосознание граждан нравственных и правовых ценностей общества в их различных проявлениях – от чувства прогрессивного и безопасного развития личности до важности социально-экономического благосостояния всего общества. Ведь причины «служебных» присвоения или растраты как раз тесно связаны с соответствующей системой социально-экономического благосостояния.

Важная причина, порождающая и стимулирующая совершение «служебных» присвоения или растраты, сопряжена с несовершенным законодательством, в котором продолжает отсутствовать нормативная классификация отраслевых (с точки зрения, в частности, гражданского, административного, уголовного отраслей права) мер противодействия преступлениям, предусмотренным ч. 3 ст. 160 УК РФ, а также отсутствие системы корреспондирующих положений Федерального закона от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» способов и форм профилактического воздействия на причины и условия совершения соответствующих общественно опасных

деяний. Например, не установлена и не закреплена система координации деятельности и мониторинга в сфере профилактики рассматриваемых правонарушений. Также фактически отсутствует комплекс мер не только выявления, но и оценки, прогнозирования соответствующих криминогенных факторов социального характера.

Таким образом, причины присвоения или растраты, совершенных лицом с использованием своего служебного положения, на общесоциальном уровне связаны с особенностями и кризисными явлениями социально-экономического развития государства и общества, формируя среди населения приоритет потребностей материального характера с допустимыми формами их достижения противоправным способом, на специаль-

но-криминологическом уровне – с деформированным пониманием существующих в государстве правовых основ управления и распоряжения вверенными материальными благами, искаженным правосознанием граждан, значительной латентностью рассматриваемых преступлений, выступающей источником самовоспроизводства служебных преступлений против собственности, а также с несовершенством отраслевого законодательства в части мер противодействия преступлениям, предусмотренным ч. 3 ст. 160 УК РФ, на индивидуальном – с личностными характеристиками личности лица, совершающего исследуемые общественно опасные деяния, что, однако, выступает предметом отдельного исследования.

Библиографический список

1. Аликперов Х.Д. Понятие и причины латентной преступности / Х.Д. Аликперов, Р.И. Расулов. – Баку: научно-методический совет при прокуратуре Азербайджанской ССР, 1989. – 40 с.
2. Баландина, Н.В. Государственная политика в сфере повышения правовой грамотности и правосознания граждан в Российской Федерации и общественные отношения / Н.В. Баландина // Правовая культура. – 2012. – № 2(13). – С. 8-15.
3. Диденко, К.В. Некоторые аспекты латентной преступности в Российской Федерации / К.В. Диденко, А.А. Невмovenko // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2018. – № 3. – С. 62-67.
4. Затонский В.А. Сильное государство: ключевые вопросы теории и модернизационной политики / В.А. Затонский, М.П. Петров // Ленинградский юридический журнал. – 2005. – № 3(4). – С. 195-206.
5. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации / Н.Ф. Кузнецова ; под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 208 с.
6. Майоров, В.И. Противодействие преступности на основе современных концепций взаимодействия полиции и общества: опыт зарубежных стран и России / В.И. Майоров, В.Е. Севрюгин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 35. – С. 95-106.
7. Мальков С.М., Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика Российской Федерации : монография / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. – 128 с.
8. Прокументов, Л.М. Общесоциальные детерминанты преступности / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 1. – С. 5-14.
9. Рагимов, И.М. Философия преступления и наказания / И.М. Рагимов. – СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. – 288 с.

10. Репецкая, А.Л. Современное состояние, структура и тенденции российской преступности / А.Л. Репецкая // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 1 (54). – С. 151-156.
11. Румянцева, Ю.Н. К вопросу противодействия должностным злоупотреблениям в России и Франции: основные результаты / Ю.Н. Румянцева, И.М. Серeda // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 4. – С. 101-106.
12. Тищенко, А.В. Отношение к правоохранительным органам в общественном сознании: состояние и основные факторы / А.В. Тищенко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2019. – № 2 (239). – С. 151-156.
13. Христюк, А.А. Причины латентной организованной преступности / А.А. Христюк // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2006. – № 6. – С. 97-99.
14. Шаргородский, М.Д. Преступность, ее причины и условия в социалистическом обществе / М.Д. Шаргородский // Преступность и ее предупреждение : сборник статей. – Л.: Лениздат, 1966. – С. 20-58.
15. Шестаков, Д.А. К Стратегии национальной безопасности Российской Федерации / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 4 (43). – С. 22-28.
16. Юзиханова, Э.Г. Поиск и анализ причин преступности / Э.Г. Юзиханова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 4 (42). – С. 16-22.